

Великий князь Константин Николаевич на православном Востоке и арабском Западе в середине 1840-х гг.

Всеволод Воронин

**Grand Duke Konstantin Nikolaevich in the Orthodox East
and the Arab West in the mid-1840s**

Vsevolod Voronin
(*Moscow Pedagogical State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956870004494-4

«Восточный вопрос», уже основательно изученный¹, продолжает вызывать интерес у отечественных исследователей². При этом они всё чаще обращают внимание не только на те или иные объективные факторы, влиявшие на позиции держав, но и на особенности субъективного восприятия Востока российскими императорами и государственными деятелями, особенно теми, кто имел возможность опираться на непосредственные впечатления, полученные в ходе поездок и путешествий. К их числу принадлежал и вел. кн. Константин Николаевич, в 1845—1846 гг. посетивший Османскую империю, Грецию и французский Алжир. Всё это совершалось под пристальным наблюдением Николая I и, соответственно, не могло не влиять на его размышления о положении дел на Востоке и позиции России.

Подготовка к путешествию началась зимой 1844/45 гг., когда великий князь выслушал «записку о восточной политике России», специально составленную для него чиновником МИД тайным советником А.А. Фонтоном, и прочёл ряд сочинений о местах, где собирался побывать³.

Характерно, что он ещё до путешествия часто называл в дневнике Константинополь «Царьградом»⁴. «Верно, когда Вы будете читать это письмо, я уже буду в Цареграде, — писал великий князь В.А. Жуковскому 7 мая, перед отъездом из Петербурга, — в котором не было ещё русского князя с тех пор, как на его вратах висел щит Олега!». Полушутя, он задавал себе вопрос: «Доживу ли я до того, что это повторится, что гордый Истамбул снова падёт под ударами русских перунов?». И даже соглашаясь с тем, что «это, впрочем, совсем и не нужно», поскольку «и нам хорошо, и теперь и им, туркам, не худо, так пускай мы живём так, не мешая друг другу», 17-летний юноша признавался: «А всё-таки весело об этом думать. Я как буду осматривать Константинополь, всё буду себе наматывать на ус, хотя он у меня ещё и не вырос, авось когда-

© 2019 г. В.Е. Воронин

¹ Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978.

² См., в частности: Айранетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801—1914. Т. 1—2. М., 2017.

³ Головин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича / Под ред. Б.Д. Гальпериной. СПб., 2006. С. 40.

⁴ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 81, л. 130 об. и др.

нибудь да пригодится»⁵. Ему казалось забавным, что отъезд из Петербурга пришёлся по церковному календарю на «праздник *Обновления Царяграда* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчёркнутые в оригинале. — *В.В.*)» (11 мая). «Какой странный случай, не правда ли?», — делился он этим наблюдением с Жуковским⁶.

Команда парохода «Бессарабия», на котором вел. кн. Константину Николаевичу предстояло плыть в Константинополь, по словам И.А. Шестакова, была тщательно подобрана из «офицеров, с которыми не опасались познакомиться юного генерал-адмирала»⁷. 4 июня корабль покинул Севастополь, а утром 6 июня великий князь увидел на горизонте Босфор. Турецкие укрепления не произвели на него особого впечатления: «одноэтажные и с небольшим числом орудий» береговые батареи были «очень слабы и без искусства расположены» (за исключением той, что находилась «против Буюкдере в Азии»). Следуя «дальше по Босфору», Константин отметил, что там «почти совсем нет батарей», а размещённые возле фортов Румели-Иссар и Анатоли-Иссар «более страшны по виду, чем по существу». За старинными башнями и зубчатыми стенами находились весьма вместительные каменные казармы, но великий князь не сомневался, что турки не додумаются «их сделать оборонительными», резюмировав 14(26) июня в письме к отцу: «Вообще, Босфор далеко не так укреплён, как можно и должно было. Так, как он теперь, его всегда можно будет пройти без большой потери»⁸.

«Бессарабия» бросила якорь в Буюк-дере, предместье Константинополя. На берегу великого князя встретили бригадный генерал Рифад-паша и корабельный капитан Мустафа-бей, назначенные состоять при русском царевиче. Рифад-паша бывал в России на военных манёврах и знал французский язык; Мустафа-бей ранее обучался на британском флоте и владел английским языком. Вел. кн. Константин Николаевич обосновался в доме русской миссии, откуда открывался «чудеснейший» вид на Босфор. Уже в первый день он побывал в долине Ункяр-Искелеси, где в 1833 г. стоял русский десантный отряд, защищавший Константинополь от войск египетского хедива Мухаммеда Али. Великий князь был восхищён открывшейся «удивительной картиной»: «Ничего не может сравниться с природой. Это кажется как сон. Горы покрыты богатейшею вегетациею, а по берегу непрерывный ряд домов, киосков и дворцов». Сопровождавший его молодой художник-маринист И.К. Айвазовский «был просто вне себя от восторга и говорил, что лучше, чем всё это, он только видел в Италии и Испании, и по всему Средиземному морю». Особое внимание при-

⁵ Там же, д. 663, л. 13 об.—14.

⁶ Там же, л. 14 об.

⁷ *Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838—1881 гг.)* / Сост. В.В. Козыр. СПб., 2006. С. 71—72.

⁸ ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 144—144 об. Эти впечатления получили развитие в первой половине 1849 г. в записке вел. кн. Константина Николаевича «Предположение атаки Царяграда с моря». «В случае войны с Оттоманскою Портою, — говорилось в ней, — есть средство окончить кампанию в кратчайшее время, с меньшим кровопролитием, это есть атака и взятие Константинополя с моря». Надеясь на уязвимость береговых укреплений, великий князь считал столь рискованную операцию вполне оправданной. «Три условия, — утверждал он, — необходимы для успешного исполнения этого предприятия. Неожиданность, быстрота и отвага, не останавливаться трудностью и опасностью, а итти прямо напролом, не боясь потери трёх, четырёх, даже пяти кораблей, и нескольких тысяч людей, потому что результат этого стоит». При этом захват Босфора признавался лишь «первым шагом», после которого «надо непременно занять Дарданеллы, кои суть ключ к Царю-граду» (Там же, ф. 722, оп. 1, д. 197, л. 30—47 об.).

влекала «бедная, обезображенная, но всё ещё колоссальная Св. София»: «Удивительно как жалко было смотреть на неё, на первую святыню византийскую, стоящую теперь под полумесяцем»⁹.

Впрочем, султанский сераль Топкапы также производил со стороны Босфора «чудесный эффект». Дворец был перестроен Махмудом II, который отличался аскетизмом и хорошим эстетическим вкусом. Впечатляющее «снаружи», но лишённое внутреннего «великолепия» и «без малейшего комфорта», здание имело лёгкие «пропорции больших зал» и регулярный сад («немного рококо»), полный «превосходной растительности»¹⁰.

Османское правительство проявляло интерес к визиту сына русского царя (хотя представители местной знати иногда иронично предполагали, что он прислан «просить у султана помощи против Шамиля») ¹¹. 7(19) июня великого князя посетили капудан-паша (морской министр) и зять султана Галиль-паша и министр иностранных дел Шекиб-эфенди. Эта короткая «формальная аудиенция» выглядела «весьма странно», поскольку сводилась к взаимным приветствиям, но была обставлена с необычайной пышностью: турки явились «с большой свитой и целой процессией», передали приглашение своего повелителя и после «нескольких учтивых фраз» удалились¹².

9(21) июня вел. кн. Константин Николаевич и его спутники прибыли в расположенный на азиатском берегу Босфора загородный Бейлербейский дворец, где его встретили Галиль-паша, Шекиб-эфенди и сераскир (военный министр) Риза-паша, фактически управлявший «султаном и государством». В дневнике великий князь описал его довольно сдержанно: «Он человек небольшого роста и довольно приятной наружности, но в его взгляде есть что-то кичливое, фальшивое». Однако, оказавшись 14(26) июня рядом с могущественным сераскиром на обеде в честь дипломатического корпуса в Буюк-дере, царевич был буквально очарован и 20 июня (2 июля) сообщал отцу: «Он самый умный из всех турков, что видно и по его лицу, и по его разговору»¹³.

Абдул Хамид оглу ибн Меджид-хан был во многом номинальным правителем и находился под бдительной опекой узкого круга вельмож, формировавших политику Порты. «Султан Абдул Меджид-хан лицом недурен, — записал 9 июня в дневнике вел. кн. Константин Николаевич, — но это лицо какое-то совершенно незначущее, и в особенности в его глазах что-то мёртвое, безжизненное, без всякого выражения. Только улыбка его довольно добродушная»¹⁴. В письме к отцу великий князь отметил, что «на вид ему лет 35, тогда как ему всего 22», но «Сам он человек изнеженный, хворый»¹⁵. Разговор с ним выдался «довольно» долгим, однако не выходил за рамки «учтивых фраз». На вопросы султана вел. кн. Константин Николаевич отвечал «как знал и как мог». Желая продемонстрировать дружелюбное отношение к России, Абдул-Меджид показал ему две красивые вазы с портретами Николая I и императрицы Александры

⁹ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 145—146.

¹⁰ Там же, л. 146 об.—147.

¹¹ *Березин И.Н.* Посещение цареградских достопримечательностей во время пребывания в Константинополе его имп[ераторского] выс[очества] великого князя Константина Николаевича в 1845 году. СПб., 1854. С. 7.

¹² ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 146.

¹³ Другого своего соседа на том обеде — британского посланника Стрэтфорда Каннинга — вел. кн. Константин Николаевич нашёл «тоже очень приятным и начитанным человеком» (Там же, л. 150 об.—151).

¹⁴ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 81, л. 138 об. Особенности авторской орфографии сохранены.

¹⁵ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 147 об.

Фёдоровны и «сказал с особенным выражением добродушия, что эти две драгоценные вещи всегда бывают подле него». Затем он отпустил гостя, выразив желание «ещё раз» его принять. По окончании аудиенции, провожая великого князя и его спутников, Галиль-паша и Риза-паша угощали их «трубками и турецким кофеем», а также «шербетом»¹⁶.

Между тем эти пышные, но формальные церемонии резко контрастировали «с удивительной радостью» и экзальтацией населения окрестных греческих сёл¹⁷. Доходило до того, что «священник греческой церкви в Бакче-кей, умиленный видом русского царевича, лобызал стопы августейшего путешественника, умоляя его посетить убогий храм»¹⁸. «Бедный удручённый народ, — сокрушался тот в дневнике 10 июня. — Как я понимаю, с каким чувством, с какими ожиданиями они встречали одноверного им православного князя, который ещё сверх того носит самое дорогое для них имя, которое, так сказать, было залогом существования Царьграда. Как это понятно и как ужасно видеть всё это так живо, так трогательно, и не быть в состоянии им помочь. Они меня иначе не называют, как василевс, царь. Это ужасно!»¹⁹.

Кульминацией визита вел. кн. Константина Николаевича в Константинополь стало посещение им 11(23) июня мечети Ая-София. Войска с трудом сдерживали собравшуюся вокруг храма толпу. Судя по дневнику, великий князь был одновременно восхищён и уязвлён: «Мы поскорей тогда вошли в собор с дрожащими сердцами и я успел перекреститься так, что никто этого не видал. Боже мой, Боже мой! Что я тут чувствовал и объяснить не могу, а у меня были слёзы на глазах... Доживу ли я до той величественной минуты, когда восстановится тут Святой Крест и огласятся своды этого храма чудесным пение[м] “Тебе Бога хвалим, Тебя Господа исповедуем!”... Мы ходили по хорам и видели сохранившиеся ещё кресты»²⁰. 14(26) июня он, ликуя, писал отцу: «Вся мозаика существует нетронута, только закрашена густым слоем белой краски. Спасибо за то туркам, всегда можно будет возобновить собор в прежнем виде, когда он снова воскреснет под знаменем креста»²¹. Со своей стороны, Николай I настойчиво рекомендовал сыну проявлять сдержанность. «Надеюсь, — писал он 2(14) июля, — что ты не сообщаешь другим те впечатления, которые производить должно унижение христианства, но держи их про себя, сколь они не натуральны (так в тексте. — В.В.). Богу предоставить надо определить, когда кресту восторжествовать над луной, тебе же избегать всего, что иное значение придать может твоему там появлению, чем то, которое действительно тебя туда привлекло; надеюсь, что ты меня понял и будешь осторожен»²².

Прогуливаясь по периметру древних стен и осматривая достопримечательности города, вел. кн. Константин Николаевич постоянно наблюдал соседство византийской и османской традиций, а также сочетание великолепных зданий «настоящего восточного» стиля (таких, как «прекрасные» мечети Магомета II, Фатих джами и Сулеймание джами, где он побывал 15(27) июня²³), с построй-

¹⁶ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 81, л. 138—138 об.

¹⁷ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 148.

¹⁸ Березин И.Н. Указ. соч. С. 10.

¹⁹ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 81, л. 143 об.

²⁰ Там же, л. 147 об.—148.

²¹ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 144—149 об.

²² Там же, ф. 722, оп. 1, д. 804, л. 20.

²³ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 151—151 об.

ками «в том же турецком новом вкусе или, лучше сказать, безвкусию»²⁴, заставлявшими сетовать на «турецкое варварство»²⁵. 13(25) июня Абдул-Меджид оказал ему особую честь, разрешив посетить мечеть Эюба, где по традиции проводились церемонии восшествия султанов на престол и куда строго запрещалось входить христианам. Первую мечеть, носившую имя Эюба Ансари — знаменосца Мухаммеда, павшего в бою во время осады византийской столицы арабами в 674—678 гг., Мехмед II воздвиг вскоре после захвата Константинополя. Та же, которую показали царевичу, была построена в конце XVIII в. Согласно легенде, халиф опоясывался в ней «мечом Магомета», но на самом деле, как узнал великий князь, там «султан просто надевает свою собственную саблю над гробом Еюба»²⁶.

Затем вел. кн. Константин Николаевич побывал на том месте, где «решена была участь города» — у ворот Егри-капуси и Топ-Капуси (св. Романа), через которые турки ворвались в Константинополь в мае 1453 г., и у развалин «дворца Константина Великого». Увиденное его глубоко взволновало, поскольку следы побоища и разрушений были отчётливо видны и четыре века спустя: «Большая часть башен разрушена. Одна расколота на две». Подъехав «к знаменитым и несчастным воротам святого Романа» — месту «самых ожесточённых битв с турками», русский царевич вспоминал о погибшем здесь Константине XI Палеологе и о триумфальном въезде «султана победителя»²⁷. «Я въехал в ворота, — писал великий князь в дневнике, — для того, чтоб я мог сказать, что был на месте кровавого падения Константинополя»²⁸. В те же дни ему «совершенно случайно» достался меч, по преданию, принадлежавший последнему византийскому императору²⁹. Обладание такой реликвией распалало юношескую фантазию. «Я доволен по крайней мере, что у меня сабля моего несчаст[н]ого соименника, который пал героем, защищая своё отечество и свою веру. Бог даст, может быть, когда-нибудь этот меч воротится победителем в своё отечество, которое 4 столетия стонет под игом неверным»³⁰.

Вид Золотых ворот также будил исторические воспоминания. «Эти Золотые ворота для нас, для русских, самые интересные и драгоценные, — утверждал великий князь в дневнике 13 июня. — На них Олег, взяв Царьград, прибил свой щит. Он лучшего места и не мог избрать, ибо ворота были триумфальные и отпирались только для победителей... Ему их не отпирали. Он сам их отпер своим мечом, своими славными победами, и пригвоздил на них свой булатный щит... Я не могу описать тех чувств, с которыми я смотрел на эти ворота, и над ними как нарочно вырос лавровый куст, и парили орлы. Эта минута для меня незабвенна»³¹. Характерно, что с отцом своими переживаниями и мечтами о том, как «меч воротится», он делиться не стал, ограничившись рассказом о событиях 1453 г. и краткой фразой: «Тут въезжали императоры в город после побед над варварами, и тут Олег пригвоздил свой щит ровно 940 [лет] тому назад»³².

²⁴ Там же, л. 148 об.

²⁵ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 81, л. 166.

²⁶ Там же, л. 149 об.

²⁷ Там же, л. 158—159.

²⁸ Там же, л. 159 об.

²⁹ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 175.

³⁰ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 81, л. 159.

³¹ Там же, л. 160—160 об.

³² Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 149—149 об.

12(24) июня в бухте Золотой Рог вел. кн. Константин Николаевич в сопровождении капудан-паши осмотрел турецкий флот. При этом турки провели «учение», демонстрируя английские технические новшества и своё умение их использовать. Делалось это, по словам великого князя, «удивительно проворно и живо, хотя и тут много пустяков на театральный лад». Ему даже было «трудно поверить, что это турки»: «Народ славный, и кормят их роскошно. Главный недостаток у них в офицерах»³³. Похвалив флагманский корабль «Махмудие», построенный, «кажется», англичанами и оснащённый английскими пушками, молодой генерал-адмирал обратил внимание на то, что стоявший рядом фрегат «Нузрадие» был «стар и грязен». 16(28) июня он приезжал «в Адмиралтейство смотреть морской корпус», готовивший будущих морских офицеров. Ему показали «снаружи прекрасное» сооружение с башней, и он немало удивился, обнаружив, что «внутри здание просто вонючее». «Дети скверно одетые, оборванные, и вообще, кажется, никакого порядка нет. Всё это заведение неважное и, кажется, большой пользы не приносит»³⁴. Весьма запущенным было и главное правительственное здание — резиденция великого визиря, знаменитая Высокая Порта, где находились «все министерства и почти всё адмиралтейство» и принимали иностранных послов. Побывав там 18(30) июня, великий князь сообщал отцу: «Оно в ужасном беспорядке, и всё грязно, скверно и беспечно»³⁵.

В Скутари (Ускюдар) на азиатском берегу Босфора для русского царевича 18(30) июня устроили «небольшое учение» расквартированных там «гвардейских» частей — пехоты, конной артиллерии и кавалерии. Их состояние он нашёл далеко не блестящим. А вот стамбульский Топхан (Арсенал), напротив, оказался «не велик, но в самом примерном и чистом порядке». Ознакомившись с ним 19 июня (1 июля), великий князь констатировал: «У них много машин, которые очень просты, а прекрасно работают». «Странно, — недоумевал он, — сколько мы видели, морская часть тут в самом большом упадке, а артиллерийская в самом лучшем состоянии»³⁶.

14(26) июня вел. кн. Константин Николаевич посетил в Константинополе Медицинскую школу (Галата Сарай), основанную Махмудом II, который с начала 1830-х гг. являлся союзником России. Решение открыть в столице первое естественнонаучное учебное заведение далось ему с трудом, поскольку требовало преодоления религиозных предрассудков. «Одноэтажное, растянутое, неудобное, грязное» помещение с нерадивыми учениками («ужасными рохлями») обескуражило русского путешественника. Более того, выяснилось, что «в это заведение гораздо охотнее принимают христиан, потому что замечают, что они гораздо способнее турок. При выпуске их рассылают по армии». Впрочем, это не мешало великому князю почтительно относиться к памяти Махмуда II и восхищаться личностью «великого человека», переустроившего свою страну и даже вводившего начала «веротерпимости»³⁷.

Личность его сына и наследника Абдул-Меджида восторга не вызывала. Тем не менее вел. кн. Константин Николаевич успел проникнуться симпатией к молодому султану. 15(27) июня великий князь во всех подробностях наблюдал, как султан, излучая «какое-то особенное добродушие», торжественно прибыл вместе со свитой «на великолепном каике под красным балдахинном» в

³³ Там же, л. 148 об.—149; *Березин И.Н.* Указ. соч. С. 62.

³⁴ ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 152 об.

³⁵ Там же, л. 153—153 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 150—150 об.

селение Эмирган для праздничного моления в местной мечети. Затем «в том же порядке он и уехал», а на следующий день вновь «очень милостиво» принимал в Бейлер-Бее русского царевича, которому, судя по дневнику, «лицо султана показалось в этот раз гораздо добродушнее и приятнее», чем при первой встрече. После короткой беседы султан удалился, а для его гостя был устроен обед, на котором присутствовал «весь дипломатический корпус» и высшие сановники Порты. Среди них — «великий визирь Рецер-паша, почтенный старик, но который не имеет почти никакого влияния в государстве», Риза-паша, Сулейман-паша, возглавлявший высший совещательный орган — Диван-и-Хумаюн, и др. Общение с ними велось через переводчика. Закончился двухчасовой обед исполнением гимна «Боже, Царя храни!»³⁸.

21 июня (3 июля) Абдул-Меджид дал вел. кн. Константину Николаевичу прощальную аудиенцию, подарив «два стиха», выведенные собственноручно великолепной вязью (по мнению «знатоков», «очень хорошо»): «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»³⁹. Великий князь, говоривший перед тем русскому посланнику в Константинополе о своём желании получить от султана «что-нибудь, написанное его рукою, потому что он, как и его покойный отец, считаются отличными каллиграфами», был покорён обаянием восточного властелина. «Мне всяким разом султан более нравится, — признавался он отцу. — Видно, какой он добродушный, и он со мною говорил чрезвычайно дружески, и сказал мне много прелюбезных фраз, из которых видна откровенная дружба, которую он к тебе питает». Турецкие вельможи, напротив, не внушали доверия: «У них на лице написана скрытность, и я уверен, что они в душе нас ненавидят»⁴⁰.

Покинув Константинополь, «Бессарабия» двинулась «к 7 Князь-островам». Тогда на девяти Принцевых островах жили «только» греки. На острове Халки вел. кн. Константин Николаевич осмотрел монастыри Св. Георгия, Св. Троицы, а также Успения Божией Матери, где во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. содержались русские пленные, сотни которых умерли и были здесь похоронены⁴¹. Великий князь констатировал, что обитатели «очень бедны, и монахов мало». На острове Антигона 21 июня он видел «старинную церковь» и «навестил тут старика Констанция, бывшего патриарха царьградского, который очень хорошо говорит по-русски». Молодому и впечатлительному путешественнику было «трогательно видеть радость, с которою он принял, обнял и благословил русского великого князя, и слышать потрясательную речь, которую он мне произнёс, он, страдалец за православную веру»⁴². В 1854 г. И.Н. Березин утверждал, что старец воскликнул: «Пора же православию расцвести в Цареграде!»⁴³.

На острове Принкипос 22 июня внимание великого князя привлекли «прекрасный город» и монастыри — Спасский и Георгиевский. Затем он высадился

³⁸ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 151—153; ф. 722, оп. 1, д. 81, л. 166—168. См. также: *Березин И.Н.* Указ. соч. С. 80.

³⁹ *Березин И.Н.* Указ. соч. С. 90.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 154—154 об.

⁴¹ В 1849 г. по желанию вел. кн. Константина Николаевича там была установлена каменная ограда с чугунной решёткой и гранитным памятником внутри.

⁴² ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 81, л. 143 об., 171 об.—172. «Он препочтенный старик с прекрасным лицом, и он был чрезвычайно рад меня видеть», — сообщил царевич отцу (Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 154 об.).

⁴³ *Березин И.Н.* Указ. соч. С. 90.

на азиатском берегу, отправившись в древнюю Никомидию (Никомедию), которую в античные и византийские времена называли «Афинами в Вифинии». Там было построено много христианских храмов, но в 1331 г. город завоевали турки, истребившие почти всё греческое население, и к XIX в. во всём ощущался явный упадок. Местным «адмиралтейством» служило «пространство на берегу залива, окружённое стеною, заросшее травой и покрытое огородами». Великий князь не застал «в этом Адмиралтействе» никого, «кроме сторожа», а также «полухромой лошади в полуразвалившейся конюшне»⁴⁴.

Брусса, куда он ездил на следующий день, оказалась «совершенно» восточным городом, её главные памятники были связаны с турецким владычеством — могилы султанов Османа и Орхана, знаменитая Зелёная мечеть XV в. Но и здесь оставались живые следы византийской истории. Так, Орхан вместе «со всем своим многочисленным семейством» был погребён в старинном христианском храме. «В малом виде совершенно наши киевские соборы», — писал отцу великий князь. Между гробницами султанов виднелись развалины монастыря, а на алтарной стене уцелела часть фресок, и хотя уже было «едва можно догадаться, что эта икона изображала Тайную вечерю», вел. кн. Константин Николаевич сразу признал: «Живопись совершенно та же самая, как та, которую нынче открыли в Софийском соборе у нас в Киеве»⁴⁵. 24 июня царевич покорил легендарный Мизийский Олимп — гору высотой 8 тыс. футов (более 2 400 м). Но «чудесным» видом он наслаждался только при подъёме «на первую террасу», поскольку «выше уже самая гора закрывает самую долину и открывается такая ужасная даль, что ничего не видно», а «на вершине пустой кратер, в котором вечный снег». Вторую террасу, у вершины, населяли «номады, которые сюда приходят летом, а зимою уходят во внутренность Малой Азии. Они курды, и чрезвычайно некрасивы»⁴⁶.

25 июня (7 июля) вел. кн. Константин Николаевич и его спутники отстояли «молебен в греческой церкви» по случаю дня рождения Николая I. Служил «сам митрополит, 80-летний дряхлый старик». «Надо сказать, — жаловался отцу великий князь 29—30 июня (11—12 июля), — что церковная служба отправляется здесь, во всех греческих церквях, очень дурно, без малейшего порядка и благочиния. Пение невыразимо ужасно. Напева правильного никакого нет. Клирос, который состоит из мальчиков, тянет и кричит в нос, как придётся, и слушать это просто ужасно. В последней приходской церкви у нас дома не хуже поют, как здесь даже у митрополита. А как народ стоит в церкви, ещё ужаснее, ни один не снимает своей красной фески или чёрной чалмы, и все толпятся и трутся около царских дверей, не обращая никакого внимания на это священное место. В самой службе были даже несколько вещей, совершенно противных нашему церковному чину»⁴⁷. Не понравилось великому князю и греческое богослужение, совершённое 1(13) июля в день рождения императрицы Александры Фёдоровны в соборе Смирны: «Служба была ужасная. Продолжалась всего $\frac{3}{4}$ часа, потому что молитвы читали как можно скорее, одну за другой. Толпа была между тем такая, что священникам едва место было

⁴⁴ ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 155—155 об.

⁴⁵ Там же, л. 155 об.—157. Имелись в виду мозаики и фрески XI в., многие из которых до середины XIX — XX в. были скрыты позднейшими наслоениями.

⁴⁶ Там же, л. 157.

⁴⁷ Там же, л. 154, 157.

проходить, весь алтарь был набит народом. Пихались в царских вратах, едва не опрокинули паникадило»⁴⁸.

26 июня (8 июля) «Бессарабия» прошла Дарданеллы. Берега пролива были «высокие, но совершенно пустые и чрезвычайно некрасивые». Столь же «чрезвычайно некрасив» оказался и город Галлиполи, да и «вообще, все Дарданеллы очень неживописны». «Укреплённая часть» пролива начиналась с Абидоса — древнего города на азиатском берегу Дарданелл. В письме к отцу 29—30 июня (11—12 июля) вел. кн. Константин Николаевич отметил, что «этот проход укреплён гораздо сильнее Босфора». Крепость Кале-Султана на краю Малой Азии выглядела неприступной. Она была оснащена 80 пушками, из которых 10 стреляли каменными ядрами. В присутствии русских моряков турки «сделали два выстрела, и ядро долетело до противного берега на расстояние 900 сажен»⁴⁹. У выхода из Дарданелл, «на оконечностях европейского и азиатского берегов», виднелись «две сильные крепости Сед-ея-бахар (владыка моря) и Кум-Кале» — турецкие форты, защищавшие вход в пролив⁵⁰.

Войдя в Архипелаг (Эгейское море), «Бессарабия» приблизилась к побережью полуострова Трояда и встала на якорь у острова Тенедос. Вечером 26 июня (8 июля) великий князь высадился на «Троянском берегу» в «деревне Ени-Клей (Новая Деревня)» и два дня, 27—28 июня, осматривал Трою. Он знал и любил поэмы Гомера, читал их на разных языках, живо интересовался работой В.А. Жуковского над переводом «Одиссеи»⁵¹. «Очень рад, что Вы любите Одиссею, — писал ему Василий Андреевич в 1842 г., — я сам люблю её более Илиады. В Илиаде более высоких, поэтических образов; в Одиссее вся жизнь давно минувшего во всей её детской беззаботности и в неподдельном простодушии. Если Бог даст мне кончить начатый труд, то “Одиссея” моя будет посвящена Вам. Просите Бога, чтобы дал здоровья Вашему поэту и чтобы *сберёг* ему то счастье, коим так милосердо его наградил»⁵². Со своей стороны, расхваливая «Одиссею» и то, «как живо в ней представлены нравы того времени, обычаи тогдашних греков», — вел. кн. Константин Николаевич заявлял: «Я там вижу, как бы тогда жил, весь быт этого народа»⁵³.

Сначала великого князя и его спутников отвели к могиле Антилоха («одной из первых жертв Троянской войны»), представлявшей собой «довольно высокий и продолговатый курган». «Оттуда, — писал царевич отцу 9—22 июля (21 июля — 3 августа), — очень хорошо видна цепь гор, и высшая из них, гора Ида, с которой Юпитер изволил любоваться Троянской войной и где в объятиях Юноны он проспал главное сражение». Перед ними тянулась «пространная равнина, очень пустая, обросшая мелким кустарником», а деревья росли «только по течению Скамандра и Симоиса». Это и была «та равнина, на которой происходили в течение 10 лет беспрестанные побоища, воспетые Гомером»⁵⁴.

Осмотр «остатков Трои» тут же соотносился с текстом «Илиады» и книгами французов — путешественника Ж.-Б. Ле-Шевалье и архитектора А. Модюи. В устье Скамандра нашли «два больших правильных кургана, один недалеко

⁴⁸ Там же, л. 161 об.

⁴⁹ Там же, л. 157—157 об.

⁵⁰ Там же, л. 158.

⁵¹ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 663, л. 9 об.

⁵² Письма В.А. Жуковского к его императорскому высочеству государю великому князю Константину Николаевичу. 1840—1851. Из «Русского архива». М., 1867. С. 44.

⁵³ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 663, л. 11.

⁵⁴ Там же.

от другого, которые суть гробницы Патрокла и Ахиллеса». Подлинность их подтверждалась тем, что здесь Александр Македонский «приносил жертву над гробницею Ахилла». «Этот курган, стало быть, — уверенно заключал царевич, — один из древнейших памятников света, ибо он стоит уже 3 000 лет». В селении Бунар-Баши, где русские путники сделали привал, прямо из окон дома была видна расположенная посреди равнины «огромная гробница» старца Эсиета (Есиэта) — родоначальника троянских царей. С неё, согласно «Илиаде», «троянцы наблюдали движения греков»⁵⁵.

Посетив «самое место древней Трои», которая стояла «на горе на берегу Симоиса», великий князь восторженно описывал увиденное: «Эта гора над рекой кончается огромными обрывистыми скалами, которые чрезвычайно живописны. Тут стояла Пергама, главное святилище Трои, и там видны будто следы древних стен. Гора же к равнине идёт пологим скатом, и тут были Сикейские ворота, чрез которые троянцы выходили в поле и где Гектор прощался с Андромахой. Вся эта гора покрыта бесчисленными грудками камней, остатками древней великолепно Трои. Посреди их, на самом видном месте, возвышается гробница Гектора, вся насыпанная из камней, тогда как все остальные просто земляные. Оттуда мы видели закат солнца посреди островов Архипелага, и это зрелище было истинно великолепно»⁵⁶.

На побережье сохранились и следы «города, основанного Александром Великим в память древней Трои и названного им Александриа-Троас». Турки нарекли это «городище», просуществовавшее до V в. н.э., Ески-Стамбулом (Старым Стамбулом). В 1845 г. там оставалось ещё «много отдельных колонн, два колоссальные пьедестала, развалины, недурно сохранившиеся, какого-то огромного дворца и театра»⁵⁷.

Дальнейший маршрут путешествия, хотя и пролегал через острова и города, прославленные античными авторами, знакомил уже всё же не столько с древностями, сколько с жизнью христиан (прежде всего — греков и армян) в Османской империи. 29 июня (11 июля) вел. кн. Константин Николаевич прибыл на остров Митилена (Лесбос), где его поразил облик местных жителей: «Тут особенное внимание обратил на меня (так в тексте. — В.В.) чудесный греческий народ. Прелесть, какие тут молодцы, один выше и красивее другого, и все достаточные, так чисто и хорошо одеты, в свои широкие шалвары и синие куртки, и не смотря, что они под турецким игом, такая самостоятельность и гордость в их взгляде и во всём их виде. Право, чудо, что за народ». Селение («деревня») Лутро, где проживали и турки и греки, запомнилось великому князю выбеленными и опрятными мазанками, среди которых «турецкие дома отличаются от греческих тем, что они выстроены четырёхугольными башнями». В тот же день он прибыл в Смирнский залив, где стояли корабли Черноморского флота — бриг «Эней» и корвет «Менелай», предназначенный для плаванья царевича по Архипелагу⁵⁸.

Смирна (Измир), в отличие от Митилены, выглядела удручающе. Город, большинство населения которого тогда составляли греки и армяне (мусульмане называли его «Гяур Измир» — «Неверная Смирна»), только что пережил «ужасный» пожар, уничтоживший его «самую лучшую и торговую часть». До 30 тыс.

⁵⁵ Там же, л. 158 об.—159.

⁵⁶ Там же, л. 159.

⁵⁷ Там же, л. 159 об.—160.

⁵⁸ Там же, л. 160—160 об.

жителей остались «без крова». Когда великий князь съехал на берег, русский генеральный консул не знал, «куда» вести гостей, «потому что вообще в городе решительно нечего смотреть» — «единственным» украшением являлись «за ним лежащие высокие горы, и на одной из них старинный замок вроде Акрополиса». Даже конную прогулку «по окрестностям», наводнённым «разбойничьими шайками» и «дикими зверьями», нельзя было совершить «без конвоя»⁵⁹.

1(13) июля, в день рождения матери, вел. кн. Константин Николаевич, назначенный «старшим офицером», командовал корветом «при снятии с якоря», а в ночь на 2(14) июля отстоял свою первую вахту. Днём «Менелай» прошёл рейд Вурле, где стояли французский и австрийский фрегаты. Молодой генерал-адмирал с грустью вспоминал, что «тут же часто ставил наш флот, когда он в последний раз был в Средиземном море». О прежней славе напоминала и Чесменская бухта, «где утверждена была слава Отечества» и куда «Менелай» вошёл 3(15) июля. Пользуясь этим случаем, вел. кн. Константин Николаевич с гордостью писал отцу о том, как в 1770 г. «это сражение в глазах всего света показало, что может исполнить наш флот!»⁶⁰.

На следующий день великий князь посетил Хиос, где была жива память о резне греков во время войны 1821—1829 гг. На берегу стояла мощная турецкая крепость, сыгравшая «большую роль» в тех событиях. Проехав мимо неё верхом, путешественники увидели «несколько домов пустых и полуобвалившихся». Сопровождавший их русский консульский агент граф Пасква, свидетель резни, «сказал, что это турецкое разорение 1821, 22 и 27 годов»⁶¹. Потом он «подробно» рассказывал великому князю о происходившем в 1820-е гг. После карательной экспедиции турецких войск 30 марта (11 апреля) 1822 г. из 155 тыс. жителей уцелели лишь около 2 тыс.: 25 тыс. погибли, остальных выселили или поработили. Когда в июне 1822 г. греческий адмирал К. Канарис и его соратники взорвали на Хиосском рейде турецкий флагманский корабль «Кара-Али паша», турки вновь напали на беззащитный город. Пытаясь спастись, греки бежали в монастырь на невысокой горе, но турки, после «отчаянного боя», пробив «ветхую стену», ворвались в обитель, переполненную беглецами. Здесь были вырезаны «почти все без исключения, и женщины, и дети». Чудом спасшийся тогда монах показал великому князю «места провалов, и повёл потом в одну комнату, которая вся наполнена костями и головами убитых греков!». Потрясённые русские гости «поскорей уехали прочь»⁶². В письме к отцу 9—22 июля (21 июля — 3 августа) 1845 г. вел. кн. Константин Николаевич свидетельствовал: «Три четверти всего в городе в развалинах и разорены этими ужасными турками. А город лучший из всех, которых мы до сих пор видели. Все дома без исключения каменные, двух- и трёхэтажные, самой красивой южной архитектуры, и три четверти из них стоят без крыши, полуразрушенные, обгорелые, будто город только вчера разорён... Площадь перед крепостию была самая лучшая центральная часть города и была вся застроена, и турки её сравнивали с землёй, для того чтобы можно им было удобно стрелять из крепости. Выехавши из города, мы более 5 вёрст ехали непрерывною улицею самых чудесных дач с апельсиновыми садами. Дома большие, неправильной, но прекрасной архитектуры, с башнями и террасами, и всё это разорено, нет

⁵⁹ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 156, 161—161 об.

⁶⁰ Там же, л. 161 об.—163.

⁶¹ Там же, л. 163.

⁶² Там же, л. 163 об.

ни одного дома, в котором можно было [бы] жить, и только теперь начинают поправлять некоторые и в них селиться. Пасква говорит, что турки 6 месяцев работали, жгли и ломали, чтобы разорить город»⁶³.

На Хиосе великий князь также интересовался производством мастики в селении Галимасиа, бытом богатых греков, устройством недавно отстроеного «посреди разорённой части» собора. Тут ему понравилось буквально всё — и внутреннее убранство, и богослужение, поскольку «молебен в ней служили очень чинно и хорошо». Царевич с умилением смотрел «на эту церковь, которая так одиноко возвышается среди развалин»⁶⁴. 6(18) июля «Менелай» плыл мимо небольшого скалистого острова Ипсара (Псара). В 1824 г. на нём были убиты и пленены почти 20 тыс. человек, осталось же не более 500—600 жителей. Великий князь смотрел на «город, разорённый турками тоже в последнюю войну, а подле него на горе крепостца, в которой греки вместе с нападавшими на них турками взорвали себя на воздух». С другой стороны острова находилось маленькое селение, где «турки, изменою одного албанца, вошли точно в остров, потому что Ипсара со всех других сторон неприступна»⁶⁵.

Повернув на запад, «Менелай» прошёл «весь центр Архипелага», затем резко изменил курс и 8(20) июля прибыл на Самос. Гористый остров был покрыт «до самого верха виноградями». Самос, Патмос и другие острова Архипелага, согласно Константинопольскому договору 1832 г. между Россией, Англией, Францией и Турцией, пользовались широкой автономией. «Самос совершенно свободный остров, — писал отцу вел. кн. Константин Николаевич, — хотя считается принадлежащим к турецкому государству. Его зависимость от султана заключается только в небольшой подати и в уголовных делах, которые они не могут решать без согласия султана. Поэтому приговорённых к смерти преступников они отсылают в Стамбул, и сим до них уже более дела нет никакого. Князем острова считается князь Стефан Вогариди. Его начальство над островом заключается только в том, что он имеет право назначать и сменять губернатора, который и управляет остров[ом] его именем. С 1821 [г.], когда Самос восстал, турки никогда не были в состоянии завоевать его, и теперь ни один турка не имеет право жить в Самосе»⁶⁶. В результате, «народ прелесть как хорош. Деревни маленькие, чистенькие, хорошенькие, и благосостояния гораздо больше, чем в других островах. Нас встречали, можно сказать, с восторгом. Мужчины и мальчики выходили из деревень навстречу с зелёными сучками. Один из мальчиков говорил маленькую приветственную речь, а другие кричали греческое ура! “Зито! Зито!”». На улицах были разбросаны лавровые листья, а из окон женщины нас опрыскивали святою водою и духами. Трогательно было смотреть на общую радость, и тем более было это приятно, что не было тут ни одного турка»⁶⁷. От античного полиса, разорённого ещё в I в. до н.э., на острове осталось «весьма немного развалин. Только следы старинной стены, четыре пиластра из дворца Поликрата и одна огромная колонна и [з] прежде бывшего великолепного храма Юноны»⁶⁸.

Покинув Самос, вел. кн. Константин Николаевич на «Бессарабии» перешёл на соседний остров Патмос, о котором писал, что он, «как и Самос,

⁶³ Там же, л. 163—163 об.

⁶⁴ Там же, л. 164.

⁶⁵ Там же, л. 164 об.

⁶⁶ Там же, л. 164 об.—165.

⁶⁷ Там же, л. 164 об., 165.

⁶⁸ Там же, л. 165 об.

почти независим, управляется сам собою, и в нём ни одного турка»⁶⁹. На Патмосе, по преданию, многие годы жил в ссылке апостол Иоанн Богослов. В память о нём в пещере на высокой и крутой скале позднее устроили храм. «В этой святой пещере любимый ученик Спасителя писал своё Божественное Евангелие и Апокалипсис, и я удостоился быть в этом священном месте», — делился своими чувствами с отцом великий князь. «Я немедленно стал думать о бедной нашей Адине (великой княжне Александре Николаевне, с момента кончины которой прошёл почти год. — В.В.) и стал плакать, потому что она так любила это Евангелие. “*Да не смущается сердце ваше*” (Ин. 14:1), и “*приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и аз успокою вы*” (Мф. 11:28), и я был на том месте, где эти божественные слова были для нас написаны, где они возвестили наше спасение. Ах, любезнейший папа, эта минута была так драгоценна для меня! Как бы была счастлива наша бедная Адина, если бы она видела это место! Я не могу больше писать, у меня слёзы так и льются»⁷⁰.

Выйдя из пещеры, великий князь поднялся на вершину горы — к Иоанновскому монастырю, основанному в 1088 г., где приложился к святым мощам и жадно впитывал рассказы о судьбах обители. Именно там у него впервые появилось желание отправиться на Святую Землю, он даже писал отцу о своих размышлениях о том, «какое блаженство будешь чувствовать там»⁷¹. Но осуществить эту мечту ему удалось только в 1859 г.

С Патмоса вел. кн. Константин Николаевич возвратился на Самос, перебрался на «Менелай», вновь миновал «всю середину Архипелага» и, пройдя между Тиносом и Миконосом, вошёл «в круг островов, которые называют Цикладами». Он и его спутники рассматривали «в трубы» Делос, Наксос, Парос, Антипарос и Сирос, припоминая, чем именно каждый из них снискал себе известность «или в древней, или в новейшей истории»⁷².

12(24) июля вел. кн. Константин Николаевич прибыл на Родос, разглядев лишь построенные крестоносцами форты Св. Николая, Св. Ангела и Св. Эльма — «высокие старинные башни при входе в гавань». На городских стенах и в окрестностях росли пальмы, придававшие городу «совершенно африканский вид». Русских путешественников удивил отпечаток, оставленный на всём его облике эпохой Крестовых походов. Город сохранил «на каждом шагу следы времён рыцарских» (госпитальеры захватили остров в 1309 г. и удерживали его до 1523 г.), хотя многократный переход Родоса из рук в руки — от ромеев к арабам, вновь к грекам, к крестоносцам и затем уже к туркам — породил пёстрое смешение культур. На главной улице — Рыцарской — возвышались дома «старинной готической архитектуры», украшенные «гербами на стенах». Кое-где были «видны ещё немецкие замки». Но все эти здания были давно заняты «турками, которые заделали огромные старые окна и сделали свои маленькие решётчатые»; в некоторых домах даже имелись «старинные турецкие выступные балконы». Главный храм крестоносцев — церковь Св. Иоанна, обращённый в мечеть, сохранял «совершенно свою готическую архитектуру». От разрушенного дворца гроссмейстера ордена сохранились лишь «четыре стены и красивые ворота между двумя полубашнями». Более того, оказалось, что на греческом острове «внутри города имеют право жить только одни турки и жида, а греки,

⁶⁹ Там же, л. 166.

⁷⁰ Там же, л. 165 об.

⁷¹ Там же, л. 166.

⁷² Там же, л. 166—166 об.

которые составляют бо́льшую часть населения, живут в форштате... Этот форштат очень беден и некрасив, как весь остальной город. Улицы очень узки, состоят все из голых стен. Дома низенькие с плоскими крышами и с редкими маленькими окошками»⁷³.

Обойдя укрепления, великий князь с недоумением отметил: «Фортификация самая странная. Какое-то смешение старых и новых идей». Путешественникам также указывали место (между «молою и крепостию Св. Ельма»), где, предположительно, возвышался «Колосс Родосский» — гигантская статуя Гелиоса, одно из «семи чудес света». Впрочем, в письме отцу вел. кн. Константин Николаевич оговаривался, что «об этом ещё спорят»⁷⁴.

Вернувшись на «Бессарабию», великий князь 13(25) июля осмотрел «огромный и совершенно закрытый» рейд турецкого порта Мармарица на берегу Малой Азии⁷⁵, а на следующий день достиг континентальной Греции. Миновав Циклады, «Бессарабия» подошла к мысу Суниум — южной оконечности Аттики, где на высокой скале виднелись быстро исчезающие развалины храма Афины Паллады: из недавно ещё стоявших 22 колонн оставалось уже только 14. «Вдали за мысом» великий князь разглядел вершину горы Гимета, под которой располагались древние Афины, однако «Бессарабия», не заходя в греческие порты, взяла курс на север — «в Салоники, столицу Македонского пашалыка». Там 15(27) июля её встретил старый граф А.А. Мустоксиди, с 1804 г. состоявший на русской службе и с 1830 г. являвшийся консулом в Салониках, где имел «большое влияние»⁷⁶.

В Салониках, красиво расположенных «на скате горы» и окружённых «старинною стеною», сохранились две триумфальные арки — «одна, построенная Октавием и Антонием после их Филиппийской победы над убийцами Кесаря, Брутом и Кассием, а другая — Константина Великого в память победы над варварами. На них ещё сохранились барельефы и надписи». В двух древних храмах (по меньшей мере один из которых — церковь Св. Георгия — ранее был языческим), «говорят, проповедовал» апостол Павел⁷⁷.

Конечным пунктом поездки вел. кн. Константина Николаевича по православному Востоку в 1845 г. стал Афон, где он провёл три дня — с 16 по 18 июля. За это время великий князь ощутил, что именно «посещение Афонской горы было венец для нашего путешествия, ибо оно было самое интересное, прекрасное и в то же время последнее»⁷⁸. Там его неотлучно сопровождал болгарский архимандрит Антоний. В начале века он принял монашеский постриг в монастыре Зограф, в 1820—1838 гг. жил в Петербурге и был направлен оттуда «в Афонскую миссию». Этот «препочтенный, добрый и учёный старик» являлся живым свидетелем Афонского сражения 1807 г. и «видел с горы знаменитую победу Синявина над турецким флотом»⁷⁹.

Приезд русского царевича вызвал среди насельников воодушевление, о нём «мгновенно» узнали во всех монастырях и скитах Афона, где его «с нетерпением» ожидали. Не обошлось и без курьёзов. Так, иноки Иверской обители приняли за русского царевича младшего из русских морских офицеров. Как

⁷³ Там же, л. 167—168.

⁷⁴ Там же, л. 168 об.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, л. 169.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, л. 169 об.

⁷⁹ Там же, л. 170 об.

вспоминал Шестаков, под звон «монастырских колоколов» они «лобызали его ноги и выказывали всячески свою радость». Из-за незнания гостями греческого языка о своей оплошности монахи узнали не сразу. Только после молебна «сконфуженный» капитан, подойдя к архимандриту, «жалобным голосом просил как-нибудь исправить ошибку, объяснить, что между нами великого князя нет». Впрочем, по словам Шестакова, «братия искренне радовалась и неважным посетителям»⁸⁰.

В первый день вел. кн. Константин Николаевич посетил монастыри Руссик (Свято-Пантелеймоновский), где насчитал «в числе братья до 30 русских», Ксенофонт, Дохиар и Зограф, 17(29) июля — Хиландар, Есфигмено (Эсфигмен) и Ватопед — «самый богатый и большой монастырь», а также скиты — Старый Руссик (Русский) и пророка Илии (Ильинский), в котором проживали «только одни русские». Наконец, пришёл черёд Карики («главный город всей Афонской горы»), а также монастыря Ксиропотам и Лавры Св. Афанасия (Великой лавры) — главной обители Святой горы. Великий князь «с особенным благоговением» приложился к чудотворным иконам, мошам и другим святыням. Больше всего ему понравилось богослужение в «русском» монастыре и Свято-Ильинском ските, где «служат и поют совершенно по-нашему». Напротив, он не испытывал особой радости «в Зографе, Хиландаре и многих других, где только сербы и болгары, хотя служат по-славянски, а поют несносным греческим напевом». Карика — административный центр Афона и местопребывание «главного управления» монастырей — запомнился царевичу как «хорошенький городок»⁸¹.

18(30) июля, тотчас после осмотра Лавры, вел. кн. Константин Николаевич и его спутники, не мешкая, «пустились в обратный путь, прямо к знакомым Дарданеллам». 20 июля (1 августа) «Бессарабия» уже стояла в Буюк-дере. Русский посланник устроил в честь царского сына «прощальный бал, который был, может быть, самый весёлый из всех». На этот раз великий князь находился в самом благодушном настроении. «На прощанье, — признался он отцу, — мне казался Константинополь прекраснее и великолепнее, чем когда-либо». 22 июля «Бессарабия» вернулась в Одессу. Путешествие вел. кн. Константин Николаевич отнёс к числу «самых приятных воспоминаний» юности. Одновременно оно укрепляло в нём готовность посвятить себя морскому делу «с тем большим удовольствием, что здесь морская служба, самая чудесная вещь»⁸². Кроме того, в ходе плавания он становился настоящим моряком, способным переносить тяготы службы и набираться практического опыта.

Славя молодого «северного Одиссея» и подводя итоги его плавания по южным морям, Жуковский 21 октября (2 ноября) 1845 г. призывал вел. кн. Константина Николаевича забыть юношеские грёзы. «Из письма Вашего, ещё до отъезда Вашего написанного, для меня очевидно, что сновидения начались для Вас прежде самого сна, — иронизировал наставник и поэт. — Вам уже на Неве грезился щит нового Олега на вратах Цареграда». Василий Андреевич признавал: «Ваш сон о щите Олеговом имеет своё поэтическое достоинство; в практическом отношении он просто сон, и желаю, чтоб он навсегда остался сном несбывшимся». По его словам, «эта Византия — роковой город. Ею решилось падение Рима... Уже и Петербург (из которого на отдалённой завоё-

⁸⁰ Шестаков И.А. Указ. соч. С. 72.

⁸¹ ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 169 об.—170.

⁸² Там же, л. 171.

ванной границе царства могучая рука Петра *прорубила нам окно в Европу*) сделала то, что Россия стала одной огромною пристройкою северной, полугерманской торговой пристани и что отечественная Москва, со всем прошедшим исторической Руси, теперь отброшена в глубину её, как будто пренебреженная... Православные русские цари исчезли бы для России за стенами султанского сераля, вновь обращённого во дворец византийских властителей. Нет, избави Бог нас от превращения Русского царства в империю Византийскую. *Не брать и никому не давать Константинополя, этого для нас довольно*⁸³.

Между тем с октября 1845 по июнь 1846 г. вел. кн. Константин Николаевич на линейном корабле «Ингерманланд» совершил плавание по европейским морям, которое существенно расширило его навыки в морском деле. Одновременно ему довелось выполнить важное дипломатическое поручение отца, направленное на улучшение русско-французских отношений и изучение опыта боевых действий Франции в Алжире. Главная цель морского похода состояла в посещении Сицилии, где находилась на лечении императрица Александра Фёдоровна. Для этого надлежало отправиться, по выражению А.В. Головнина, «на другой юг — в Палермо»⁸⁴, а затем посетить и «другой» Восток, или, вернее, Арабский Запад — Алжир, за который Франция вела многолетнюю колониальную войну. На обратном пути из Палермо в Кронштадт Николай I велел «Ингерманланду», если позволят сроки «пребывания в Средиземном море», посетить Францию, чему «французское правительство весьма обрадовалось». И хотя великий князь должен был ограничиться «посещением французских портов», местные власти готовились к встрече, его визита ожидали «даже в Альгире» (Алжире)⁸⁵.

В начале 1840-х гг., когда Ф. Гизо возглавил МИД Франции, оказавшейся в конце 1830-х гг. в международной изоляции, русско-французские отношения, заметно обострившиеся после Июльской революции 1830 г., стали постепенно улучшаться. В июле 1842 г., узнав о смерти старшего сына короля — герцога Орлеанского, Николай I объявил при Дворе 12-дневный траур и впервые отправил Луи-Филиппу письмо, выражая своё «душевное соболезнование»⁸⁶. Тем не менее царь призывал сына к осмотрительности во время пребывания во Франции и Алжире: «Надеюсь, что будешь себя вести *крайне осторожно, учтиво* и не *болтливо*, и помнить, что ты в крае, где каждое слово, каждое твоё движение не уйдёт от наблюдения и строгой критики; веди себя так, чтоб никто ни к чему не мог придраться; смотри, замечай, при чужих молчи, а дома говори и записывай. В особенности будь осторожен в Алжире»⁸⁷.

22 марта (3 апреля) 1846 г. вел. кн. Константин Николаевич отправился из Неаполя в Тулон, куда прибыл 30 марта (11 апреля)⁸⁸. На рейде стояла французская средиземноморская эскадра контр-адмирала А. Парсеваля, который поднял на своём корабле русский флаг и салютовал гостям пятнадцатью выстрелами. На «Ингерманланде» подняли французский флаг, ответив «тем же числом». Между тем поднявшийся на борт поверенный в делах Н.Д. Киселёв передал великому князю инструкции, согласно которым, «к сожалению, нельзя будет быть ни в Марселе, ни в Лориане, ни в Бресте, потому что там везде так

⁸³ Письма В.А. Жуковского... С. 47—50.

⁸⁴ Головнин А.В. Указ. соч. С. 41.

⁸⁵ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 804, л. 22—23; ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 198 об.

⁸⁶ Корф М.А. Записки. М., 2003. С. 179.

⁸⁷ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 804, л. 26.

⁸⁸ Там же, д. 85, л. 35.

много поляков, что могут произойти большие неприятности». Больше всего вел. кн. Константин Николаевич сожалел о Бресте, где размещалось «самое обширное и богатое Адмиралтейство всей Франции». Но как бы то ни было, на следующий день он «в первый раз вступил во Францию»⁸⁹.

В Тулоне великий князь оставался до 4(16) апреля. Префект департамента — «почтенный старик» вице-адмирал Ш. Бодэн принимал его у себя и также лично знакомил с устройством морской части. Кроме того, вел. кн. Константин Николаевич гостил на эскадре у Парсевалья и, в свою очередь, принимал французов на «Ингерманланде», который им «так понравился, что они просили позволения прислать на другой день инженера, чтобы снять наше внутреннее расположение». Ф.П. Литке «охотно на то согласился». «Во всё это время, — писал великий князь отцу 4(16) апреля, — все французы были так учтивы и любезны, как нельзя лучше. Даже и народ; и на берегу мне снимали шапки, что, говорят, здесь весьма редко. При артиллерийских опытах они не только что показывали нам вещи, которые никогда иностранцам не показывают, но даже к нам прислали и трубки, и гранаты, и спасательные бочки, и модели — всё, что мы только что желали. Одним словом, лучше невозможно быть приняту, как мы были приняты здесь, и радушно, и учтиво, и прилично. Этот старик адмирал Vaudin почтеннейший и умнейший человек, и он со мною говорил так искренно, так чистосердечно, будто давно был со мной знаком»⁹⁰. Правда, Киселёв неустанно призывал царевича к бдительности и не раз заводил речь «о Франции, и журналах, и общем мнении, и осторожном поведении»⁹¹.

Находясь в Тулоне, русские гости постоянно ощущали, что война в Алжире сделала город прифронтовым. В форте Малгу находился «рекрутский депо для одного из африканских полков». Здесь же содержали «нескольких пленных бедуинов» (великий князь, однако, хотел скорее встретить их соплеменников «в натуре на свободе в Алжире»). Изменился даже внешний вид офицерства: «Офицеры большею частию носят алжирские бородки, что немного странно, на наши глаза»⁹².

7(19) апреля «Ингерманланд» прибыл в регион, который вел. кн. Константин Николаевич называл не иначе, как «Французским Кавказом»⁹³, сравнивая военные действия в Алжире в 1830—1840-е гг. с ходом войны с горцами. Он признавался отцу, что «давно желал» побывать в этой «чрезвычайно» интересной стране и даже «остаться здесь месяца 2 или 3», поскольку «она в самом деле того стоит, ибо теперь редко где-либо можно найти подобный пример, чтоб народ, во времена оны завоевавший свет, теперь сам в свою очередь завоевывается и образовывается другим народом». Великий князь не скрывал симпатии к французам. Он видел в Абд-эль-Кадире «здешнего Шамиля», считая его изгнание «из окрестностей Алгира, за горы, в степи» и невозможность возвращения повстанцев «в соседние плодоносные равнины» залогом успеха быстрой «колонизации»⁹⁴.

У пристани Алжирского порта вел. кн. Константина Николаевича встретил сам маршал Т. Бюжо — маркиз де ла Пиконри, герцог Ислийский, генерал-губернатор Алжира и победитель Абд-эль-Кадира. По словам великого князя,

⁸⁹ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 220—220 об.

⁹⁰ Там же, л. 221 об.—223.

⁹¹ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 85, л. 38 об.

⁹² Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 220 об.—221.

⁹³ Там же, л. 224.

⁹⁴ Там же.

этот «почтенный старик с белыми как снег волосами и прекрасным открытым лицом» вместо «пышной парадной встречи, с дарами, с представлениями, с караулами, etc., etc.» приветствовал гостей «один с своими офицерами» по-военному и, вместе с тем, «по-дружески». Адьютант молодого герцога Омальского, пятого сына Луи-Филиппа, передал царевичу приветственное «милое письмо» принца Анри, который находился тогда в войсках в 80 верстах от города и намеревался «быть сюда на другой день»⁹⁵. Первоначально предполагалось, что русские гости будут ночевать на своём корабле, но «предурной, совершенно открытый с моря», с «вечной огромной зыбью» Алжирский рейд оказался слишком неудобным для стоянки, и их пригласили переселиться в дом начальника порта адмирала Ригоди⁹⁶.

Бюжо без труда увлёк царевича рассказами о походе в далёкую страну, покорении воинственного народа, «об теперешнем состоянии дел, об мятеже, который везде вдруг появился в конце прошлого года, и как он достиг до того, чтобы его усмирить, необыкновенною деятельностью и проворством». Как писал отцу вел. кн. Константин Николаевич, «у него нет светского тонкого образования, но он славный воин, настоящий рубака, опытность имеет огромную и здесь управляет страной и вывёртывается из самых трудных обстоятельств с необыкновенным искусством, и страна подвинулась в эти 4 года больше вперёд, чем прежде в 10 лет». Великий князь даже пытался опровергать известия о жестокости действий Бюжо: «Не надо верить всему, что кричат на него в газетах. Он предобрейший человек, строг когда надо, и он умел себя заставить любить всеми: солдаты его иначе не называют, как *père Bugeud* [папаша Бюжо. — *фр.*]»⁹⁷.

Переодевшись «в сюртуки», Бюжо и вел. кн. Константин Николаевич ездили по улицам Алжира, который «потерял почти совершенно свой восточный характер и сделался прекрасным, чистым, многолюдным французским городом». Успехи колонизации были налицо: «Только в одной нагорной части сохранились мавританские конурки и улицы, в которых пешком едва можно пробраться». Великий князь побывал в цитадели (касбе) и дворце алжирских деев — «самой верхней точке города», видел беседку, где в 1827 г. алжирский дей Хусайн III ударил французского консула во время переговоров. Как ему стало известно, «знаменитые погреба, в которых хранились несметные сокровища, обращены в казарму, мечеть — в тюрьму для пленных». В касбе русскому гостю представили Амина бен Ферада — «одного из здешних князьков, который вернее всех служит французам». Это был «настоящий молодчина лет 30, и, говорят, необыкновенной храбрости»⁹⁸.

За городом царевич посетил ботанический сад, где разводили кошениль (насекомое, из которого добывают вещество для красного красителя — кармина), и казармы африканских конных егерей. «Эти егери чудное войско, — сообщал великий князь в Петербург, — и они стоят наших нижегородских драгун. Одеты они очень красиво, в голубых куртках с жёлтыми воротниками. Все эти полки — на арабских лошадях, которые... превосходны для здешней войны»⁹⁹.

8(20) апреля вел. кн. Константин Николаевич ездил в долину Ла-Метиджа, где любовался живописной местностью, обратив особое внимание на хребет Малого Атласа («южной грани долины *Метиджа*») и составил «маленькое по-

⁹⁵ Там же, л. 224 об.

⁹⁶ Там же, л. 225 об.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, л. 225.

⁹⁹ Там же.

нятие об внутренности Африки». В местечке Буфарик, «посреди долины», он встретился с герцогом Омальским, о котором с восторгом писал отцу: «Ему 24 года, он высок, хорошо сложен, с чрезвычайно приятным лицом, и весь он премилый. Невозможно его не полюбить. Он преучтивый, премилый, образованный, говорит очень умно, доказал уже на деле, что у него прекрасная голова, доказательство тому, что емуверяют огромные командования, которые он исполняет с необыкновенным искусством, так что сам маршал имеет к нему неограниченную доверенность. Я уверен, что он бы тебе полюбился, он совершенно в том роде, как ты желаешь, чтобы принцы были. Здесь все его любят и уважают, и ежели несколько времени с ним быть, невозможно его не полюбить искренно и с ним не подружиться. Он имеет что-то обворожительное»¹⁰⁰.

Под командованием герцога Омальского в Буфарике находились войска, среди которых были французские и африканские конные егеря, а также «батальон зуавов под ружьём». На вел. кн. Константина Николаевича они произвели сильное впечатление, отразившееся и в его письмах царю: «Это чудо, что за войско, достойно наполеоновской гвардии, и они смотрят молодцами в их турецком платье. Солдаты все французы, только у них платье турецкое, потому что оно очень удобно в этом климате, и оно придаёт им духа. Этих батальонов 3, и они считаются самым лучшим войском всей Африки... Я уверен, что это войско тебе бы понравилось, оно чудо, чудо, как хорошо». Правда, царевич скептически оценил выучку арабских всадников, которые «делали так называемую *фантазия*, что не что иное, как наша кавказская джигитовка, но далеко не так хорошо»¹⁰¹.

Вместе с герцогом Омальским великий князь ездил «верхом на арабскую ярмарку, которая весьма напоминает наши татарские в Крыму», а затем вернулся с ним обратно в Алжир. Заговорив по дороге «об Африке», он узнал, что принц «тут уже в 5-тый раз, и много был в трудных обстоятельствах, сам несколько раз командовал и имеет несколько весьма счастливых сражений»¹⁰².

9(21) апреля герцог Омальский вновь сопровождал великого князя на прогулке «верхом по окрестностям Алгира», показывая знаменитый Le Fort l'Empereur (Форт Император) — крепость, носившую имя Карла V, покорившего в 1535 г. Тунис. Летом 1830 г., во время штурма форта французскими войсками, алжирцы уничтожили её, взорвав пороховой погреб. По словам русского путешественника, в 1845 г. было «ещё можно отличить брешь, которую произвёл этот взрыв». Затем великий князь привёз принца на «Ингерманланд», чтобы продемонстрировать «ружейные приёмы, тревогу, и кажется, что ему очень понравилось», как, вероятно, и салют — «21 выстрел при подъёме французского флага на грот-брам-стеннге». Русский царевич сожалел лишь о том, что это «знакомство продолжилось так мало времени»¹⁰³. Учитывая подобные отношения, нет оснований сомневаться в искренности чувств, испытанных вел. кн. Константином Николаевичем при известии о том, что 4(16) апреля отставной мелкий чиновник П. Леконт, желая отомстить за отказ в назначении пенсии, стрелял в Луи-Филиппа в Фонтенбло. Узнав об этом, великий князь радовался, что «опять, к счастью», король «остался невредим», и «тотчас пошёл к принцу, чтобы его поздравить с счастливым концом этого покушения»¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, л. 225 об.—226.

¹⁰² Там же, л. 226.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, л. 226 об.

Вечером маршал Бюжо дал в честь великого князя «большой обед и бал». Местное «общество» оказалось, по словам чествуемого, «невелико, но очень приятно», в частности, присутствовало «много хороших дам» и среди них — «дочка маршала». Правда, танцевать довелось «очень немного, потому что жара в зале была несносная». Особый колорит добавляло присутствие «арабов», включая Амина бен Ферада. Царевичу казалось, что «это смешение было очень живописно»¹⁰⁵. Беседуя за обедом с маршалом, великий князь, судя по дневнику, «ему рассказывал об Кавказе, он мне об погоне за Абд-ал-Кадером»¹⁰⁶.

10(22) апреля вел. кн. Константин Николаевич покидал Алжир. Бюжо и герцог Омальский упредили его «прощальные визиты» и сами «пришли» к нему. Маршал провожал великого князя до берега, а принц — «до корабля». Герцог Омальский говорил с ним «без всякого этикета, просто по-дружески и очень искренно», а также «очень умно». На прощание он подарил своему русскому другу «арабский кушак с парюю пистолетов». Бюжо также преподнёс сыну русского царя «несколько оружия». Французы, по словам вел. кн. Константина Николаевича, «все были премилы и прелюбезны». Подводя итоги своего визита в Тулон и Алжир, великий князь писал отцу: «Уверяю тебя, что я из Франции и особенно из Алжира уношу с собою прекрасные воспоминания. Все французы вообще обращались с нами как с друзьями, между которыми совершенное согласие»¹⁰⁷.

Таким образом, учебные «морские кампании» юного вел. кн. Константина Николаевича не только стали важным этапом освоения им практических навыков морского дела, но и снабдили Николая I ценными сведениями о положении дел в Средиземноморье. При этом великий князь убеждал Николая I в необходимости радикального решения «восточного вопроса» и полного освобождения балканских христиан от османского ига. В то же время, он признавал правомерность колониальной войны, которую вела Франция в Алжире, и призывал к скорейшей нормализации отношений с Июльской монархией.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 85, л. 41.

¹⁰⁷ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 227. В знак признательности вел. кн. Константин Николаевич пожелал выслать герцогу Омальскому «полное Черкесское вооружение». Предполагалось также отблагодарить маршала Бюжо за «богатое арабское оружие» (РГАДА, ф. 30, оп. 1, д. 25, л. 47).